

Факультет гуманитарных наук и искусств

Колледж иностранных языков и культур

Отделение славистики

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ПЕРЕВОДЕ АНТСА ОРАСА

Бакалаврская работа

студентки отделения славистики

Терье Кыркьяс

Научный руководитель —

проф. Л.Н. Киселева

Тарту 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Антс Орас как переводчик в исследовательской литературе	8
Глава 2. Переводы из «Евгения Онегина» до А. Ораса	17
Глава 3. «Евгений Онегин» в переводе А. Ораса (1936)	23
Заключение.....	30
Список использованной литературы	32
Kokkuvõte	35

ВВЕДЕНИЕ

Темой нашей работы является перевод на эстонский язык отрывков из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», выполненных эстонским поэтом и переводчиком Антсом Орасом. Работа будет основываться на сборнике „Aleksander Puškin. Valik luulet. Lüürika-epika-draama“ («Александр Пушкин. Избранные стихи. Лирика-эпика-драма»), который вышел в 1936 году и был первым сборником пушкинских произведений, опубликованным на эстонском языке. Сборник являлся также первым выпуском переводов из запланированной Эстонским литературным обществом серии «Мировая литература». Его выход был приурочен к празднованию 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина в Эстонии в 1930-е годы, которое имело и некоторую политическую подоплеку.

Карл Мартинсон в статье «Как отмечалось 100-летие смерти А. С. Пушкина в Эстонии в 1937 году» [Мартинсон] говорит, что с начала 1930-х годов, когда начались ограничения духовных свобод в Германии и стали широко распространяться фашистские идеи, часть эстонской интеллигенции, которая отрицала ориентацию на тогдашнюю фашистскую немецкую культуру и не поддерживала одностороннюю пронемецкую внешнюю ориентацию властей, обратилась к русской культуре. Многие представители культуры пришли к выводу, что единственной силой, которая может противостоять гитлеризму, является Россия. Они старались развивать культурные контакты с Советской Россией, выражением чего и стало празднование 100-летия смерти Пушкина, отношение к которому в Советской России изменилось. Вместо «пережитка прошлого» в нем стали видеть «народного» поэта с радостным восприятием жизни, естественностью, близостью к реальной жизни и «положительностью». В связи с проведением мемориальных мероприятий обратились с официальным заявлением в ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с границей), в котором содержалась просьба о содействии в проведении упомянутых мероприятий. В том числе сообщалось о планах публикации на эстонском языке сборника стихов А. С. Пушкина, в связи с чем просили прислать новые издания произведений поэта и исследования о его жизни и творчестве. В этой же статье К. Мартинсон пишет:

...празднование Дня памяти Пушкина было одной из самых важных культурных акций эстонской интеллигенции во второй половине 1930 годов. Главной причиной этого, конечно, был сам знаменитый поэт, его блистательное творчество, которое высоко ценила эстонская интеллигенция, особенно представители ее старшего поколения. Но празднованием дня памяти русского поэта эстонская интеллигенция старалась подчеркнуть и свою культурно-политическую ориентацию, принадлежность эстонской культуры к гуманистической культуре всей Европы, всего мира, куда, естественно, входили и русское искусство, литература, наука, а также, без сомнения, и творчество А. С. Пушкина [Мартинсон: 53].

Сборник переводов избранных стихотворений А. С. Пушкина вышел в Тарту в 1936 году. Переводчиками были Х. Тальвик, Б. Альвер, П. Вийдинг и А. Орас, которому принадлежит в сборнике большая часть переводов. Он неоднократно через ВОКС получал необходимую литературу. Орасом в этом сборнике переведены следующие произведения А. С. Пушкина (приводим заглавия Ораса и пушкинские заглавия, которые у переводчика иногда изменены):

- Katkendeid värssromaanist „Eugen Onegin“ / Отрывки из романа в стихах «Евгений Онегин»
- „Ihnus Rüütel“ . Dramaatilisi stseene / «Скупой рыцарь». Драматические сцены
- „Uuestisünd“ / «Возрождение»
- „Viinamarjad“ / «Виноград» («Не стану я жалеть о розах...»)
- „Nereiid“ / «Нереида»
- „Näen, kiirelt hõreneb ja hõljub pilveviir...“ / «Редает облаков летучая гряда...»
- „Muusa“ / «Муза»
- „Eleegia“ / «Я пережил свои желанья...»
- „Vang“ / «Узник»
- „Linnuke“ / «Птичка»
- „Merele“ / «К морю»
- „Koraani jäljendusi“ <Тут есть примечание Ораса о том, что два изумительно красивых «подражания» пришлось пропустить по причине непереводимости или труднопереводимости> / «Подражания Корану».
- Epigramme (1817–1825) 1. Ühe värsitreiali lugu, 2. Karamzini kohta, 3. Üksindus, 4. Katšenovski kohta, 5. Ex ungue leonem, 6. Liikumine, 7. Nõuane / 1) «История стихотворца», 2) «На Карамзина» («В его «Истории»...), 3) «Уединение» («Блажен, кто в отдаленной сени...»), 4) «Князь Г. со мною не знаком...»), 5) Ex ungue leonem, 6) «Движение» («Движенья нет, сказал мудрец брадатый...»), 7) Совет («Поверь: когда слепней и комаров...»)
- „A. P. Kern’ile“ / «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»)
- „19. oktoober 1825“ / «19 октября 1825»
- „Talveõhtu“ / «Зимний вечер»
- „Maru“ / «Буря»
- „Eleegia (Mme Rizniči surma puhul)“ / «Под небом голубым страны своей родной...»

- „Prohvet“ / «Пророк»
- „Talvine tee“ / «Зимняя дорога»
- „Talismaan“ <sic!> / «Талисман»
- „On roos Kythiras – imeõis...“ / «Есть роза дивная: она...»
- „Kolm lätet“ / «Три ключа»
- „Poeet“ / «Поэт»
- „Naise portree“ / «Портрет»
- „Ei, ära laula Gruusiast...“ / «Не пой, красавица при мне...»
- „Südamesõber“ / «Наперсник»
- „Lill“ / «Цветок»
- „Mälestus“ / «Воспоминание»
- „26. mail 1828“ / «26 мая 1828»
- „Eelaimus“ / «Предчувствие»
- „Nüüd lõpp, nüüd lõpp, nii hing end trööstis...“ / «Я думал, сердце позабыло...»
- „Antšaar (Mürgipuu)“ / «Анчар»
- „Pööbel“ / «Поэт и толпа»
- „Tundemärke“ / «Приметы»
- „Ma armastasin teid; veel pole vast...“ / «Я вас любил: любовь еще, быть может...»
- „A. P. Kern'ile“ / «Когда твои молодые лета...»
- „Katkend“ / «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»
- „Delibaš“ / «Делибаш»
- „Klooster Kazbekil“ / «Монастырь на Казбеке»
- „Kaukasus“ / «Кавказ»
- „Laviin“ / «Обвал»
- „Talvehommik“ / «Зимнее утро»
- „Suurnikule (Vürst N. B. Jussupovile)“ / «К вельможе»
- „Stroofe“ / «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»
- „Metropoliit Filaretile“ / «В часы забав или праздной скуки...»
- „Piase tõlke puhul“ / «На перевод Илиады» («Слышу умолкнувший звук...»)
- „Luuletajale“ / «Поэту»
- „Madonna“ / «Мадонна»
- „Mustlased“ / «Цыганы» («Над лесистыми берегами...»)
- „Tondid“ / «Бесы»
- „Eleegia“ / «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...») (1830)
- „Sügis (Katkend)“ / («Осень (Отрывок)» («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...»)
- Sissejuhatus poeemile „Majake Kolomnas“ / «Домик в Коломне» (Вступление к поэме)
- „Sa lahkusid, et raskel retkel...“ / «Для берегов отчизны дальней...»
- „Tsarskoje Seloo raidkuju“ / «Царскосельская статуя»
- „Riim“ / «Рифма» («Эхо, бессонная нимфа...»)
- „Töö“ / «Труд» («Миг вожделенный настал...»)
- Kaks laulu dramaatilisest fragmentidist „Pidu katku ajal“ / <Две песни из драматического фрагмента «Пир во время чумы»: 1) «Песня Мери», 2) «Песня Председателя»
- „Husaar“ / «Гусар»
- „Mickiewicz“ / «Он между нами жил...»
- „Maa pääl elas vaene rüütel“ / «Жил на свете рыцарь бедный...»
- „Rõõmus viinamarja jumal...“ / «Бог весёлый винограда...»
- „Araabia ainetel“ / «Подражание арабскому»
- „Noorukit kiivana noomis ja nuuksus kibedalt neiu...“ / «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...»
- „Pilv“ / «Туча»
- „Väejuht (Barclay de Tolly)“ / «Полководец»

- „... Külastasin taas...” / «...Вновь я посетил...»
- „Kui saabus üle hetk, mis hinges ikka uus...” / «Мирская власть» («Когда великое свершалось торжество...»)
- „Pindemonte järgi” / «Из Пиндемонти» («Не дорого ценю я громкие права...»)
- „Palve” / «Отцы пустынноики и жены непорочны...»
- „Kui ärkav rahutus meelt raskelt kütkes peab...” / «Когда за городом, задумчив, я брожу...»
- «Exegi monumentum» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»)

Орас являлся также редактором этого сборника и был автором предисловия. В первой его половине он приводит краткую биографию Пушкина, говорит о событиях (учеба в Лицее, ссылки), а также об авторах мировой литературы (Мольер, Вольтер, Байрон, Шекспир), оказавших влияние на его судьбу и творчество. Во второй половине предисловия Орас пишет о месте Пушкина в русской поэзии, о его литературных взглядах, поэтической концепции. Так, Орас пишет, например, что в русской поэзии Пушкин занимает такое же ведущее положение, как Шекспир в английской или Гёте в немецкой поэзии; что по неиссякаемому совершенству, абсолютной гармонии содержания и формы творчество Пушкина превышает даже литературное творчество Гоголя, Толстого и Достоевского. Далее Орас пишет, что Пушкин редко морализирует в своих произведениях, он не объясняет подробно скрывающийся в них смысл, он лишь дает «видения», «вышелушивать» значения которых он оставляет другим. Близкая к природе и духовно здоровая поэзия Пушкина оставляет впечатление, будто у поэта не мучили тяжелые сомнения и внутренняя борьба, и они явно не смогли бесповоротно поколебать его духовное равновесие. Пушкин понимал больные души, хотя сама его душа была в основном здоровой, в ней преобладала нормальная человечность. Он мог быть крайне критичным, но мир не казался ему фундаментально неправильным – хорошее и плохое располагались в нем на равных. Дальше Орас отмечает, что Пушкина также не поражает смерть, он не пантеист и проводит четкую линию между человеком и природой. Он не утешает себя, по крайней мере, в своих стихах, мыслью о бессмертии души, он вообще очень редко касается этой темы хотя бы мимоходом. Он живет в совершенно земном мире, с почти «языческой» преданностью здешним чувствам радости, красоты и также боли. Но с философской мудростью и глубиной он умеет узреть нераздельность всех этих элементов жизни [Oras 1936].

Орас был также составителем комментариев, которыми был снабжен сборник. Комментарии имеются двух типов: прежде всего, объясняется, кем были упомянутые в тексте исторические лица (А. Смит, Каверин, Истомина, Дидло, Баратынский и т. д.), а

также объясняются некоторые факты биографии Пушкина. Например, стих «Но вреден север для меня» / “Kuid kurjas rõhjas mul ei vea” Орас прокомментировал так: «Намек на ссылку поэта на юг России» [Олеск].

Наш интерес к теме работы обусловлен тем, что переводы Ораса из Пушкина вообще и из «Евгения Онегина», в частности, не подвергались подробному исследованию. Тема переводов Ораса с русского языка затрагивалась в диссертации Ю. К. Пярли «Поэзия А. С. Пушкина в Эстонии 1880–1940» в связи с изучением рецепции поэзии Пушкина в Эстонии и в контексте эстетических взглядов, переводческой программы А. Ораса [Пярли]. Также переводы А. Ораса из Пушкина является темой магистерской работы Марии Тамм, защищенной в 2012 г. в Тартуском университете, где на основе сопоставительного анализа пяти пушкинских стихотворений с их переводами рассматривается переводческая концепция Ораса [Тамм].

Наша работа посвящена переводам из «Евгения Онегина», которые вообще никогда не рассматривались исследователями. Обычно все говорят о полном переводе, выполненном Бетти Альвер в 1960-е гг. Однако Альвер была участницей сборника 1936 г., так что несомненно учитывала опыт Ораса в своем переводе. Однако сопоставление их переводов – предмет будущей специальной работы.

Настоящая работа состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе рассматривается А. Орас как переводчик, во второй будут анализироваться переводы на эстонский язык из «Евгения Онегина» до Ораса, третья глава посвящена краткому обзору перевода А. Ораса из «Евгения Онегина».

Глава 1

АНТС ОРАС КАК ПЕРЕВОДЧИК В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Антс Орас (1900–1982) – это выдающийся эстонский литературовед, критик и переводчик. Биография и творческий путь Ораса – переводчика с английского изложен в книге А. Ланге „Ants Oras” [Lange], на которую мы во многом опираемся.

Орас родился в Таллинне в интеллигентной эстонской семье. Отец Ораса получил образование в Германнсбургской миссионерской школе в Германии, после ее окончания вернулся на родину. Как пишет сам Антс Орас: «Царское правительство не признавало немецких дипломов, к тому же отец не говорил ни слова по-русски. Посему ему пришлось довольствоваться городским миссионерством и должностью законоучителя»¹ [Lange: 19]. Помимо этого, для дополнительного дохода, отец занимался и переводами с немецкого языка на эстонский богословских сочинений и детской литературы. Как было характерно для интеллигентных эстонцев начала 20-го века, дома говорили на эстонском и немецком языках, благодаря чему А. Орас вырос в двуязычной среде. В 15 лет он стал сотрудником газеты «Ревалер Беобахтер», которая издавалась в Таллинне на немецком языке, и принес туда переводы стихотворений Юхана Лийва, Виллема Грюнталя и Лидии Койдулы, которые публикуются и находят также одобрение в журнале «Ээсти Кирандус» того же года.

С 1911 года к домашним эстонскому и немецкому языкам прибавляется русский, поскольку он учился в таллиннской гимназии им. Николая Первого. Иностранными языками в этой гимназии были немецкий и французский, также на высоком уровне было поставлено обучение латинскому языку. Полтора года он два раза в неделю изучал факультативно английский язык. После окончания гимназии он поступил в Тартуский университет, который окончил в 1923 году со степенью магистра философии, защитив диссертацию о Шелли. Учась в университете, он переводит несколько прозаических произведений, таких как «Др. Джекилла и мр. Хайда» Роберта Луиза Стивенсона, «Принц и нищий» Марка Твена, «Сокровище в лесу» Герберта

¹ Здесь и далее переводы с эстонского выполнены нами.

Уэллса, «Майстер Мартин-бочар и его подмастерья», «Система эстетики» Эрнста Меймана. Все переводы были опубликованы.

Орас обучался также в Лейпциге, где в круг его интересов наряду с Шелли входила и английская литература периода романтизма в целом. В 1925–1928 гг. он был стипендиатом Оксфордского университета, где защитил работу на степень бакалавра о строфике Джона Мильтона (1928).

В 1928–1934 гг. А. Орас был преподавателем Тартуского и Хельсинкского университетов, в 1932 году защитил докторскую диссертацию о критических идеях Томаса Элиота, после чего был избран профессором английской литературы Тартуского университета и в этой должности проработал 1934–1943 гг. В 1943 г. он эмигрировал в Швецию, затем уехал в Англию и с 1949 года обосновался в США, в Гейнсвилле, где был профессором университета Флориды до 1972 года.

Художественные переводы А. Ораса показывают, что он был в курсе обновления эстонского языка, связанном с деятельностью Й. Аавика и Й. В. Вески, и сам пользовался их нововведениями в своих переводах. Орас поддерживает развитие языка и творчество в языке, формирует свое чувство языка, экспериментируя то со старописьменным языком, то с новшествами Аавика.

Антс Орас переводил на эстонский язык английскую, немецкую, шведскую, французскую, финскую, русскую и античную (древнеримскую) литературу, а на немецкий и английский языки – эстонскую и русскую поэзию. Он предпочитал переводить поэзию, список переведенных им авторов прозаических произведений краток, по сравнению с поэтами. Из переведенной Орасом прозы в основном доминирует английская художественная литература: Р. Л. Стивенсон, Дж. Б. Шоу, О. Хаксли, У. М. Теккерей, Д. Г. Лоренс и др., также он знакомил эстонских читателей с творчеством американских авторов: Т. Харди, Р. Киплинга, Л. Кэрролла, С. Льюиса и других.

Здесь уместно будет привести мысли Антса Ораса о переводе. В письме к эстонскому поэту и литературоведу Ивару Иваску осенью 1959 года, где он описывают и всю свою переводческую практику, Орас пишет:

...настоящий переводчик должен иметь почерк, но он должен быть гибким, сверхчувствительным, с очень широкой амплитудой фигур, но, тем не менее, индивидуальным. Только через собственную личность можно углубиться в другие личности, и то, что производится, должно быть убедительно самобытным, ведь иначе оно не будет полноценной поэзией! Оно должно быть страстно пережито и страстно – хотя дисциплинированно – выражено. Из этого следует, что по-настоящему можно переводить только глубоко пережитое, значит только то, что прочувствовано полностью, до предела. Следовательно, не существует переводчика, способного переводить все и всесторонне. <...> Гениальный переводчик <...> – это ныряльщик, который полностью погружается в переводимое, перестраивается из своего земного элемента в морской элемент, но, тем не менее, остается самим собой – трансформированным, может быть просветленным собой, <...>. Но он останется собой. Он принял в себя другой, более великий дух, и через это переживание становится сам больше. Это переживание он выражает собой, но при этом преображаясь, как преображается великий, по-настоящему вдохновленный актер. Он должен сделать больше, чем актер, потому что из оригинала он оставляет только скелет, который, несмотря на это, должен быть тем же оригиналом – основное вдохновение, основной экстаз (если есть экстаз) должны сохраниться. Но это должно идти другими путями, приводя все к той же (=эквивалентной) цели. Читателю результат должен дать такое же, достигающее нутра переживание – именно достигающее нутра переживание. Только тогда сможет все остальное по-настоящему воздействовать. Знания, науки могут помочь, нужно иметь дисциплину. Но иметь надо и эту настроенность «умирай и преображайся», из которой только вырастает настоящая жизнь и что невозможно, если на карту не поставлено все свое собственное я, а не самость² (цит. по: [Lange: 201–202]).

²...tõeline tõlkija peab omama käekirja, kuid see peab olema nõrke, sensitiivne, väga laia figuuride amplituudiga, kuid siiski isikupärane. Ainult omaenese isiku kaudu on võimalik sukelduda teistesse isiksustesse, ning see, mis toodetakse, peab olema veenvalt isikupärane, sest muidu see ei oleks täiekaaluline luule! See peab olema kirglikult läbi elat ja kirglikult – kuigi distsiplineeritult väljendat. Sellest järeldub, et tõeliselt tõlkida saab ainult sügavalt läbielatud – nii siis ainult seda, millele tõesti utreeritakse kaasa. Absoluutset kõigekülgsest, kõike tõlkida suutvat tõlkijat järelkult ei ole. <...> Tõlkegeenius <...> on sukelduja, kes täiesti süüvib tõlgitavasse, säästub oma maaelemendist mereelementi, kuid siiski jääb endaks – transformeerunud, võib olla kirgastet endaks, <...>. Kuid ta jääb endaks. Ta on võtnud endasse teise, suurema vaimu ja ise suureneb selle elamuse kaudu. Seda elamust ta väljendab – enesena, kuigi muutudes, nagu muutub suur, tõesti inspireerit näitleja. Ta peab tegema

Но главной любовью А. Ораса была поэзия. Переводами поэзии он увлекся уже в школьные годы. Про поэзию он писал, например:

Поэзия только часть мира, но важная часть, потому что дает нам возможность понимать глубокое и серьезное в жизни, так же как жизнь помогает понимать глубокое и серьезное в поэзии³ (цит. по: [Lange: 200]).

Поэзия является самой концентрированной формой литературы, где сохранены самые древние, интенсивные и долговечные запасы эмоций⁴ (цит. по: [Lange: 200]).

Поэзия – это обязанность дисциплинировать мысль и чувство, и язык, неустанное построение формы, борьба с формой, точная строфическая форма, безукоризненность и свежесть рифмовки, поиски «правильного слова»⁵ (цит. по: [Lange: 200]).

Он говорит о себе, что, читая поэзию и на родном, и на других языках, он «всю жизнь будет в нее углубляться, добираться, насколько возможно, до самой сути», и затем «воссоздавать ее, либо чисто интеллектуальными, либо художественными средствами» [Lange: 200]. Также он говорит: «Для таких, как я, одним из величайших наслаждений в жизни является извлечение из своего языка оттенков других языков, слушая скрывающиеся в языке гармонии и возможности гармоний, имеющиеся в нем ритмы и потенциальную выразительность» [Lange: 201]. Заданную оригиналом мелодию надо воссоздать в переводе – или интуитивно, чисто художественными средствами, или же с помощью сознательного анализа. Но неизбежно, по мнению Ораса, в переводе поэзии окажется и «множество элементов, обусловленных темпераментом самого переводчика» [Lange: 201].

rohkem kui näitleja, sest oma originaalist jätab ta ainult luustiku – ja siiski see peab olema samavereline originaal – põhiinspiratsioon, põhiekstaas (kui on ekstaasi) peab säilima. Kuid see peab käima teistsuguseid teid, viies siiski samale (= ekvivalentsele) sihile. Lugejale peab tulemus andma sama sisikonnani ulatuva elamuse – just sisikonnani ulatuva elamuse. Alles siis suudab kõik muu tõeliselt mõjuda. Teadmised, teadused võivad aidata kaasa, distsipliini peab olema. Kuid peab olema ka seda *Stirb und werde* hoiakut, millest alles tõuseb tõeline elu ja mis on võimatu, kui ei panda mängu kogu oma mina (mitte oma minatust).

³ Luule on ainult osa maailmast, kuid tähtis osa, sest võimaldab meil aru saada, mis on sügavat ja tõsist elus, nagu elu aitab mõista, misjon sügavat ja tõsist luules.

⁴ Luule on kirjanduse kontsentreerituim vorm, kuhu on talletet inimkonna kõige vanemad, intensiivsemad ja kestvamad elamusvarud.

⁵ Luule on kohustus distsiplineerida mõtet ja tunnet ja keelt, väsimatu vormiheitlus, kindel stroofivorm, riimistiku laitmatus ja värskus, „õige sõna“, *le mot juste*’i otsing.

Эстонский языковед, литературовед и искусствовед Виктор Кырессаар в своей статье «Антс Орас как писатель-переводчик» пишет, что амплитуда способностей и умений Антса Ораса как переводчика поэзии очень широка. Он переводил поэзию с античности до XX века – древнегреческих, латинских, германских, славянских и финно-угорских авторов. Кырессаар отмечает также, что перевод поэзии не может никогда быть одним лишь «переложением» („*üimberpanemine*“), – это самостоятельное поэтическое творчество, и это оно как раз и характеризует поэтические переводы Ораса [Kõressaar 1975: 190].

В другой своей статье «Антс Орас и его духовное наследие» В. Кырессаар пишет, что у Антса Ораса как у творческой личности было два облика: он был учёным и вместе с тем поэтом. Облик ученого отражен в научных исследованиях в области истории и теории литературы, но его творческие сила и страсть побеждают полностью в его переводах, особенно в поэтических переводах. Кырессаар подчеркивает, что с особой страстью Орас переводил поэзию и драму в стихах, потому что в душе он был поэтом. [Kõressaar 1983: 10].

Так как А. Орас был англистом, то большую часть из переведенной им поэзии занимали произведения английских авторов. И, конечно, Шекспир для него «является величайшим источником художественных впечатлений, из которого европейская культура черпала животворную силу» (цит. по: [Lange: 235]). Из его переводов были напечатаны: «Макбет», «Ромео и Джульетта», «Буря», «Сон в летнюю ночь», «Отелло», «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра», «Кориолан». В архиве остались переводы «Короля Лира», «Гамлета», «Как вам это понравится», «Мера за меру». Также он переводил и других известных английских поэтов, таких как П. Б. Шелли, Д. Г. Байрон, А. Поуп, Д. Китс, Р. Браунинг, У. Б. Йитс, А. Ч. Свинберн.

Значительную часть переводов Ораса с английского составляет поэзия Э. А. По. Первый перевод По он сделал в 1925 г., это стихотворение «Колокола». Далее следуют другие его стихи, и в 1931 г. выходит сборник с 20 стихотворениями По, а также эссе Ораса о «Вороне». Орас считал, что знаменитого «Ворона» стоит заново перевести хотя бы ради того, чтобы напомнить читателям, что использовавшееся в предыдущих переводах слово *ronk* не является единственным названием этой птицы в

эстонском языке, что в народном эстонском имеется синоним, более близкий по звучанию к английскому оригиналу – *kaaren*.

Из французских поэтов Орас переводил Ш. Бодлера и Мольера, из немецких И. Гете («Фауст», «Римские элегии»), Г. Гейне («Германия»), Ф. Шиллера, Р. М. Рильке, Г. Бенна (Бенн). Из финских поэтов – например, Э. Лейно, О. Маннинен, А. Каллас и других, всего творчество 17 финских авторов. С шведского он переводил творчество Г. Фрединга. Из античных авторов – Вергилия: «Энеида» и «Буколики», из «Георгик» – эпизод с Орфеем, переводил латинским гекзаметром.

В 1925 году появляются выполненные А. Орасом первые переводы русской поэзии – стихотворения Брюсова и Бальмонта. Но русские символисты в переводческой биографии Ораса представлены только единичными стихотворениями, больше всего из русской поэзии он переводил Пушкина и Пастернака. Первого – еще живя в Эстонии, а переводы Пастернака были сделаны уже в эмиграции и на английский язык⁶ [Lange]. Его пушкинские переводы вышли в 1936 году в сборнике «Valik luulet. Lüürika – eepika – draama» («Избранные стихи. Лирика – эпика – драма») и стали, пожалуй, самыми нашумевшими из его переводов, благодаря рецензии Яана Кярнера под заглавием «Искаженный Пушкин» [Kärner 1940].

Упреки Кярнера связаны, прежде всего, с различием стилевых уровней у Пушкина и Ораса, в результате чего изменилась, по мнению рецензента, эмоциональная окраска Пушкина. Как считает рецензент, язык оригинала – простой и естественный, а перевод получился «крикливый и вопиющий» – «заросли модных слов и словоформ». Хотя сам Орас в предисловии к сборнику пишет, что «в случае с Пушкиным задача переводчика является особенно трудной из-за простоты средств, с помощью которых в оригинале

⁶ Из Пастернака Орас переводит стихи из романа «Доктор Живаго». По словам Ораса, стихи Юрия Живаго являются «кульминационными явлениями современной поэзии. В них есть то стремление к вечности, которое в настоящее время можно редко встретить. И, конечно же, это мастерство, которое только и придает стремлению к вечности его подлинное значение» (цит. по: [Lange: 229]). Опубликованы они нигде не были. В журнале Нью-йоркской городской библиотеки напечатать не получилось, поскольку возникла проблема авторских прав, разрешение на публикацию дано не было.

достигается художественно совершенное впечатление. Привнести в классически чистые линии барочные элементы и пестроту, столь характерные нашему времени, здесь недопустимо» [Oras 1936]. Однако, по мнению Кярнера, переводчику не удалось воплотить этот принцип на практике. Он раскритиковал все переведенные А. Орасом стихотворения, снисходительно замечая, что «более или менее удовлетворительно Орасом «пересочинена» примерно дюжина стихов» (в их числе и некоторые строфы из «Евгения Онегина»), но и здесь он указывает на имеющиеся, по его мнению, излишества. Про «Евгения Онегина» Кярнер пишет, что ограниченное пространство статьи не позволяет подробнее проанализировать отрывки переводов из этого произведения, но в них есть все те же самые слабости и пороки, о которых уже шла речь выше. В конце статьи рецензент заявляет, что большая часть переводов Ораса в сборнике «является удручающим примером того, **как нельзя переводить Пушкина** Такая манера перевода является просто **безответственной**» [Kärner 1940] Выделено автором статьи.

Аугуст Санг в своей статье «Мысли и наблюдения над эстонским поэтическим переводом», опубликованной в 1940 г. в журнале «Лооминг», пишет про Ораса, что перевод Пушкина является смелым поступком, так как многим учившимся в русскоязычных школах читателям Пушкин настолько знаком, что немедленно позволяет им сравнивать перевод с оригиналом. Например, «Зимний вечер» или «Бесы» кажутся истинно пушкинскими – звучные, стремительные и создающие настроение; но в некоторых переводах лексика у Ораса кажется более литературной, форма – более виртуозной, но нет той непринужденности, как в оригинале [Sang 1940].

В предисловии к сборнику Орас сообщает, что целью его составителей является «представить на ограниченном пространстве как можно больше типичного» [Oras 1936]. При отборе стихотворений учитывалась, в частности, их «переводимость» на эстонский язык. Орас говорит о том, что «основной задачей переводчика является передача таинственного «духа» произведения: необходимо уловить неповторимый «дух» стихотворений, их «ритмическую пульсацию крови» и «звуковую окраску [Oras 1936]. За этим метафорическим рядом, тем не менее, стоит вполне конкретное содержание.

Так, Орас считает, что переводчик должен добиваться создания *нового* произведения искусства, которое являлось бы единым целым, но которое содержало бы те *особые нюансы*, которые свойственны исходному тексту. Эквивалентность перевода оригиналу на смысловом уровне — второстепенна, необходимо воссоздание произведения на эстонском языке, которое было бы равноценно подлиннику в своем эстетическом воздействии на читателя. Как мы видим, *доминантой* перевода Орас считает ориентацию на текст *перевода*, а не на текст оригинала, и особо выделяет категорию *читателя* перевода (см. об этом [Тамм]).

Орас воспринимает Пушкина в контексте мировой литературы. Он называет Пушкина одним из «самых европейских русских поэтов», который лучше всего вписывается в европейскую литературную традицию, но который, одновременно, является и одним из самых «русских» поэтов [Oras 1936]. Орас подчеркивает ясность и гармоничность пушкинской поэзии (см. наблюдения об этом в [Тамм]).

Будучи представителем «эстетизма» в эстонской критике, Орас выступает против движения «за сближение с жизнью» и отстаивает право на существование поэзии, которая предназначается для интеллигентного читателя. Орас выступает против поэзии, в которой материал представляется в «сыром виде», против психологической поверхностности и пренебрежения художественной формой (см.: [Пярли 1987: 160]). По словам Ю. К. Пярли, переводческая деятельность Ораса была «органически связана с его общей литературно-эстетической программой», основной целью которой было литературное образование эстонской интеллигенции, но и обогащение эстонской литературы.

Следует отметить, что для Ораса переводы из мировой литературы, «заимствования» — это возможность создать «приемлемую духовную среду», без которой невозможно претендовать на название культурного народа⁷.

Таким образом, через переводы, по Орасу, можно не только обогатить эстонскую словесность, но и углубить ее содержание посредством заимствования из других

⁷ «Jääd üle laenata, s.o. tõlkida, ja see võimalus muutub paratamatuks tarviduseks, kui tahame endile luua vähegi vastuvõetava vaimse ümbruse <...> Vähimgi rahvus vajab seda, kui ta tahab pretendeerida kultuurrahva nimele» [Oras 1931: 609–610].

литератур образов, мотивов и тем. Подобная устремленность задавала требование переводов высокого качества.

Антс Орас, несомненно, является одним из создателей канона поэтического перевода в Эстонии. Его статьи и заметки актуальны и в наши дни. Именно больше количество переводов Ораса, выполненных на высоком уровне, создало и критерии для последующих поэтических переводов (см.: [Тамм]).

Обращаясь к анализу переводческого метода А. Ораса, А. Ланге справедливо замечает, что Орас – сторонник языковых реформ Й. Аавика – часто использовал в своих переводах «аавиксизмы», поддерживал новаторство Аавика в области грамматики, например, употреблял краткие формы прошедшего времени или краткие формы множественного числа имен существительных. Такой язык был распространен среди узкого круга эстонской интеллигенции и существенно отличался от общепринятого литературного языка 1930-х годов. Язык пушкинских переводов Ораса в этом отношении существенно разнится с языком самого Пушкина (см. [Пярли 1987: 166]). На наш взгляд это обстоятельство отражается и в требованиях Ораса к «идеальному переводу» (см. выше).

В предисловии к сборнику 1936 г. А. Орас пишет, что Александр Пушкин — это «настоящий» создатель русской поэзии и величайший ее представитель. Говоря о его поэзии, автор подчеркивает, что, несмотря на кажущуюся простоту, в произведениях Пушкина скрывается глубокий смысл, который позже был раскрыт и развит русскими символистами. Такая трактовка произведений Пушкина, как показала в своей работе М. Тамм, свидетельствует о том, что Орас воспринимал пушкинское творчество сквозь призму символистских интерпретаций. Несомненно, такой характер рецепции Пушкина отразился и на переводах Ораса [Lange].

Глава 2

ПЕРЕВОДЫ ИЗ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» ДО А. ОРАСА

До выхода в 1936 году сборника «Александр Пушкин. Лирика – эпика – драма» с отрывками из «Евгения Онегина» в переводе А. Ораса было предпринято всего пара попыток перевести это произведение на эстонский язык, так как оно было не под силу переводчикам конца XIX - начала XX века, из которых многие были к тому же только любителями. Да и эстонский литературный (и поэтический) язык не был еще так хорошо развит, чтобы достойно передать всю красоту и глубину этого романа в стихах. Только примерно с 20-х годов XX века, когда количество переводов на эстонский язык различных литературных произведений заметно увеличилось, когда переводами стали все больше заниматься на профессиональном уровне, когда обновлялся, развивался, богател эстонский язык, были сделаны и первые попытки перевода «Евгения Онегина».

Прежде чем приступить к рассмотрению перевода А. Ораса, приведем в хронологическом порядке все известные нам переводы отрывков из «Евгения Онегина», вышедшие до 1936 года. Мы основывались на библиографии переводов произведений А. С. Пушкина на эстонский язык, составленной Хербертом Лайдвез [Laidvee] и опубликованной в 1949 году, а также на труде О. М. Киви «Библиография переводов произведений А. С. Пушкина на эстонский язык (1949–1998)» со вступительной статьей С. Г. Исакова [Киви], где приведены некоторые дополнения к библиографии Х. Лайдвез.

Самый ранний перевод небольшого отрывка из «Евгения Онегина» был опубликован в 1888 г. в учебнике русского языка К. А. Херманна [Hermann]. Это даже и не перевод, а языковое упражнение в учебнике, состоящее из двух частей, где в первой дается задание перевести текст с русского языка на эстонский, и во второй – наоборот. Тексты в обоих языках – разные. На русском языке приведена вторая строфа из пятой главы «Евгения Онегина». Текст напечатан в строчку, расставлены знаки ударения, автор указан, а источник – нет. Перед упражнением приведены имеющиеся в русском тексте слова с переводом на эстонский язык, которые требовалось выучить наизусть. Для

наглядности приведем эти слова перед упражнением, выделив очевидные ошибки; тогда станет понятно, чем обусловлено замечание следующего переводчика (см. ниже):

торжествовать – õiskama	дровни – regi	рысь – rott
обновлять – uuendama	рысью – nagu rott	тулуп – kasuk
почевать – puudutama	бразды – ohjad	кушак – vöö
плестись – waewlema	пушистый – kiudne	дворовый – pere-
как-нибудь – kuidagi viisi	кибитка – sõiduriist	салазки – kelk
взрывать – rebinema	облучка – istekoht	себя – end, ennast
преображать, -зить – muutma	удалой – wile, wäle	конь – hobu
заморозить – külmama	больно – walus	наизусть – pääst
грозить – ähvardama	смешно – naerulik	путь – tee
учиться наизусть – päha õppima	пальчик – sõrmeke	сани – saan

Следующий перевод появился в 1889 году 18 сентября в газете «Олевик» в разделе *Школа языка*. Это был подстрочный перевод той же второй строфы из пятой главы («Зима! Крестьянин торжествуя...»), озаглавленный «Зима. – Tali» [Olevik]. Автор перевода не указан, также не указано, что приведенный пример взят из «Евгения Онегина». Приведем этот текст в таком виде, как он был напечатан в газете:

Зима.			
Tali.			
Зима!...	Крестьянин,	торжествуя,	на
Tali!...	Talupoeg	hõisates	pääl ²
дровнях	обновляет	путь; его	лошадка, снег
ree ¹	uuendab	teed; tema	hobusekene lund
почуя,	плетется	рысью	как-нибудь.
tundes (wittern),	läheb (järgib)	traawides	nii kuidas saab.
Бразды	пушистыя	взрывая,	летит кибитка
Wagusid	kohedaaid	ajades,	lendab kibitkas ²

удалая;	ямщик	сидит	на облучке	в тулупе
wile ¹ ;	postipoiss	istub	pääl ²	puki ¹ kasukaga
в красном	кушаке.	Вот	бегаёт	дворовый
punase	vööga.	Waat	jookseb	mõisa
мальчик,	в салазки	жучку	посадив,	себя
poisike	kelgu peale	muri	istuma pannud	ennast
в коня	преобразив;	шалун		уж замо-
hobuseks	muutnud;	wallatu (poisike)	juba	ära kül-
розил	пальчик:	ему	и больно	и смеш-
metas	sõrmekese:	temal on	valus	ja naerulik
но;	а мать	грозит	ему	в окно.
(rõõmus) meel; aga	ema	ähvardab	teda	aknast.

Далее следует пояснение:

Meie wõtame selle kuulsa Vene lauliku Puschkini laulukese siia ülesse, esiteks et näidata, kui raske ta Eestikeelde on tõlkida, sest et tal palju süda-Wenekeeles kõnekäändusi ja sõnakujusid sees on, teiseks, et see laul Dr. Hermannini „Täielikes Wenekeeles õpiraamatus“ osalt koguni wõõriti on ümber pandud. Selle raamatu järele (vt. lk 161) tuleb laul nii ümber panna: „Его лошадка, снег почуя, плетётся рысью как-нибудь. Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая; ямщик сидит на облучке... Tema hobusekene, lund puudutades, waewleb nagu rott kuidagi viisi. Kiudsed ohjad rebinedes lendab wile kibitkas; postipoiss istub istekoha pääl.

Как мы видим, задачи этого подстрочника многообразны: показать трудность передачи пушкинского текста на эстонском языке, обратить внимание на ошибки, допущенные в переводе Херманна, в его учебнике русского языка («как крыса» вместо «рысью», следующая строка вообще искажена до неузнаваемости).

Следующий перевод, по данным библиографии Х. Лайдвез, – либретто оперы Чайковского в ее первоначальном варианте. Оно вышло в Таллинне в 1920 году отдельным изданием под названием «Евгений Онегин. Лирические сцены в трех актах.

Музыка П. Чайковского. Текст по Пушкину. Перевод С(ергиуса) Липп и П(еетера) Грюнфельд⁸.

Это, скорее всего, перевод оригинального либретто, которое было написано в 1877–1878 году композитором П. И Чайковским и поэтом К. С. Шиловским по одноименному роману А. С. Пушкина для оперы из семи картин в трех актах. При написании либретто источниками текста были сам текст романа с сохранением многих стихов подлинника, также стихотворение Пушкина «Певец» и народные песни: «Болят мои скоры ноженьки...» и «Уж как по мосту-мосточку...». Из романа выбраны именно те сцены, которые отображают эмоциональный мир героев. Опера в ее первоначальном варианте - эпизодическая, в ней нет последовательного сюжета, там изображены выбранные отрывки из жизни Онегина, поэтому композитор дал опере подзаголовок «Лирические сцены». Но так как сюжет был широко известен, Чайковский предполагал, что публика сама заполняет все пробелы. Первая постановка оперы по этому либретто в Эстонии была осуществлена в театре «Эстония» в 1920 году, в «Ванемуйне» первая премьера состоялась в 1934 году.

Очередной перевод, по данным библиографии Х. Лайдвез, назывался «Татьяна. Глава из романа А. Пушкина «Евгений Онегин»». Переводчик – Олаф Роод (это псевдоним, настоящее имя - Георг Наелапеа). Публиковался в 1926 году в приложении к газете «Постимезс» – «Сядемед» (Искры) в трех выпусках⁹.

Переведена вся пятая глава «Евгения Онегина». В выпуске № 47 на первой странице текста в подстрочном примечании дается резюме предыдущего сюжета:

Пресыщенный жизнью града Петрова изящный Евгений Онегин едет в свое имение, унаследованное от дяди. Его друг, молодой поэт Владимир Ленский знакомит его со своей невестой Ольгой и ее сестрой Татьяной, дочерьми помещика Ларина. Татьяна, наивная девушка, мечтала о таком мужчине, как Онегин, и влюбляется в него. Онегин ее отвергает. Позже Онегин получит от Ленского приглашение поехать к Лариным на праздник в узком кругу¹⁰.

⁸ Eugen Onegin. Lüüritised stseenid kolmes vaatuses. P. Tshaikovski muusika. Tekst Pushkini järel. S[ergius] Lipu ja P[eeter] Grünfeld'i tõlge. Tln., [1920]. 23 lk.

⁹ Tatjana. Päättükk A. Pushkini romaanist „Eugen Onegin“. Tlk. Olaf Rood [ps. = Georg Naelapea]. – Sädemed. 1926. Nr 47. Lk 372–373; Nr 48. Lk 380–382; Nr 49. Lk 388–390.

¹⁰ Peetrilinna elust küllastunud peen Eugen Onegin sõidab oma onult päritud mõisa. Ta sõber noor poeet Wladimir Lenski tutwustab temale oma mõrsjat Olgat ja ta õde Tatjanat, mõisniku Larini tütreid. Tatjana, naitw

В выпуске № 49 приведены два подстрочных замечания.

Первое:

Перевод сделан по неакадемическому изданию, где в настоящей, 5-ой главе издателем пропущены строфы 37, 38 и 43. О. Р.¹¹

Второе:

Поправка. В наш перевод «Татьяна» вкрались досадные опечатки, которые просим исправить (*далее перечислены опечатки и даны исправления*) О. Р.¹²

Приведем также пример перевода второй строфы из пятой главы романа в стихах:

Talw... Pühitsedes talve võitu
teed reega loomas talumees;
lund värsket tundes hobu sõitu
tal kuidagi ka sörgib ees;
waat' wagu walget kündes üles
saan lendab kiirelt lumesüles;
ta pukil kutsar kasukas,
wööl punasel on istumas;
waat' wäike poiss on wallatamas;
ta kelgul oma Shutskat weab
ning ise hobuseks end peab;
külm juba poissi näpistamas:
tal külm ning lõbus ühel a'al:
ei mõju ema kuri hääl...

Следующий опубликованный перевод назывался «Наступление зимы» (Из четвертой песни Евгения Онегина)». Это отрывок из IV главы «Евгения Онегина». Перевод

tütarlaps, on unistanud Onegini taolisest mehest, ning armub temasse. Onegin lükkab ta tagasi. Hiljem saab Onegin Lenskilt kutse sõita Larinite juurde omawahelisele peole [Sädemed].

¹¹ Tõlge on toodud mitteakadeemilise väljaande järele, kus käesolevas, 5. päätükis on väljaandja poolt ära jäetud vārsid 37, 38, ja 43. О. R. [Sädemed].

¹² Õienduseks. Meie tõlkesse „Tatjana“ on hiilinud eksitavaid trükiwigu, mida palume parandada. (*edasi trükivead ja kuidas neid parandada*) О. R. [Sädemed].

публиковался в журнале «Кевадик» в 1935 году [Kevadik]. Автор перевода в библиографии О. Киви не указан, но в самом журнале переводчик назван – это А. Орас, и опубликованные в журнале строфы 40–43 совпадают с их текстом в сборнике 1936 года.

Глава 3

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ПЕРЕВОДЕ АНТСА ОРАСА (1936)

Наконец обратимся к переводу А. Ораса в сборнике 1936 года «Избранные стихотворения. Лирика – эпика – драма». Он называется „Katkendeid värssromaanist „Eugen Onegin“ (1822–1831)“ / «Отрывки из романа в стихах «Евгений Онегин» (1822–1831). Перевод разделен на главы (не совпадающие с пушкинским делением), которые пронумерованы Орасом и которым, исходя из содержания, даны заглавия. В каждой главе (за исключением первой) перед переведенными строфами дается в квадратных скобках краткое содержание (резюме) непереуведенных строф.

Первая глава называется „Onegini noorus. (Esimesest päätükist)“ / «Молодость Онегина (Из первой главы)». Переведены строфы от 1-ой до 50-ой.

Вторая называется „Onegin maal ja Lenski. (Teisest päätükist)“ / «Онегин в деревне и Ленский (Из второй главы)». Резюме перед переведенными строфами: «Онегин после смерти своего дяди остается в деревне, в имении последнего, наследником которого он стал. Сначала его интересует новое окружение, но скоро к нему возвращается его привычная пресыщенность, и им снова овладевает сплин»¹³. Переведены строфы от 1-ой до 10-ой.

Третья глава озаглавлена „Lenski ja Larinite perekond. (Teisest päätükist)“ / «Ленский и семья Лариных (Из второй главы)». Резюме перед переведенными строфами: «Онегин и Ленский становятся, несмотря на очень разные характеры, друзьями, Онегин чуть свысока, Ленский доверчиво. Ленский рассказывает Онегину свои сердечные истории: он почти с детских лет влюблен в младшую дочку соседнего помещика, отставного генерала¹⁴ Ларина Ольгу, немного поверхностную и обыкновенную, но миловидную девушку»¹⁵. Переведены строфы от 20-ой до 36-ой.

¹³ „Onegin jääb pärast oma onu surma maale, viimase mõisa, mille pärijaks ta on saanud. Alguses huvitab teda uus ümbrus, kuid varsti ta tavaline blaseerumus tuleb tagasi ja teda valdab uuesti spliin.“

¹⁴ Так, не входя в излишние подробности, передан чин Дмитрия Ларина – бригадир – первый генеральский чин в XVIII в.

¹⁵ „Onegin ja Lenski saavad oma väga erinevaile iseloomudele vaatamata sõbraks, Onegin pisut üleolevalt, Lenski usaldavalt. Lenski jutustab Oneginile oma südamelugusid: ta on peaaegu maast madalast armunud

Четвертая глава называется у Ораса „Onegin talvel. (Neljandast päätükist)” / «Онегин зимой. (Из четвертой главы)». Резюме перед переведенными строфами: «Онегин посещает Лариных, и Татьяна влюбляется в него. Она отправляет Онегину наивное, искреннее письмо, где признается ему в своих чувствах, и в следующий визит Онегин пытается объяснить Татьяне, что прежние опыты с женщинами сделали для него невозможным чувствовать теплую, настоящую любовь. После этого Онегин еще более отдаляется от соседей. Татьяна, испуганная и грустная, пытается оправиться от удара, нанесенного ей Онегиным»¹⁶. Переведены строфы от 40-ой до 46-ой.

Далее следует еще одно резюме, где передается содержание пропущенных строф: «Беседуя у камина, Ленский начинает говорить о своей любви – его венчание с Ольгой уже приближается – и сообщает в том числе, что скоро именины Татьяны. Он предлагает Онегину поехать туда. Тот хочет отказаться, боясь скучной компании, но Ленский легкомысленно и ошибочно утверждает, что на именинах будет только самый узкий круг родных. После этого Онегин наконец нехотя соглашается»¹⁷.

Пятая глава называется „Tatjana maal. Tema nimepäev. (Viindast päätükist)” / «Татьяна в деревне. Ее именины. (Из пятой главы)» Переведены строфы от 1-ой до 39-ой. В конце главы резюме пропущенных строф: «Онегин мстит Ленскому, который обманул его относительно торжества, утверждая, что там будут только родные, тем, что ангажирует Ольгу на все танцы и посвящает ей весь вечер. Этим оскорблена Татьяна и еще больше Ленский, который думает, что Ольга изменила ему, и решает покончить дело дуэлью. Он отправляет своего знакомого, прожженного повесу Зарецкого, секундантом к Онегину. Вечером перед дуэлью он посещает Лариных, которые ни о чем не догадываются. Он заставляет себя уехать оттуда и спешит домой, где готовится к поединку и пишет элегию, о которой ближе будет говорить в следующем отрывке»¹⁸.

naabermõisniku, erukindral Larini nooremasse tütresse Olgasse, veidi pääliskaudsesse ja tavalisse, kuid nägusasse tütarlapsesse.“

¹⁶ „Onegin külastab Larineid ja Tatjana armub temasse. Ta saadab Oneginile naiivse, siira kirja, milles tunnistab talle oma tundeid, ning järgmisel külaskäigul Onegin püüab Tatjanale selgeks teha, et senised kogemused naistega on talle võimatuks teinud tunda küllaldaselt sooja, ehtsat armastust. Sellest peale Onegin eraldub veel rohkem naabritest. Tatjana püüab heitunult ja nukralt toibuda hoobist, mis Onegin temale annud.”

¹⁷ „Kaminatule juures vesteldes Lenski hakkab kõnelema oma armastusest – tema laulatus Olgaga on juba lähenemas – ja teatab muu seas Oneginile, et varsti saabub Tatjana nimepäev. Ta teeb Eugenile ettepaneku sinna minna. See tahab keelduda, kartes igavat seltskonda, kuid Lenski väidab talle kergemeelselt ning ekslikult, nimepäevast võtvat osa vaid kitsaim omaste ring. Seepeale Onegin pooltõrkudes lõppeks nõustub.”

¹⁸ „Onegin maksab Lenskile, kes teda peo suhtes petnud, väites, et sellest võtvat osa ainult omaksed, sellega kätte, et paneb endale kinni kõik Olga tantsud ja pühendub kogu õhtu temale. Sellest solvub Tatjana ning veel enam Lenski, kes arvab Olga olevat temale truuduse murdnud ning otsustab asja lahendada duelliga. Ta saadab

Шестая глава называется „Duell. (Kuuendast päätükist)” / «Дуэль. (Из шестой главы)». Переведены строфы от 20-ой до 41-ой.

Седьмая, последняя, глава называется „Lenski haud. (Seitsmendast päätükist)” / «Могила Ленского. (Из седьмой главы)». Переведены строфы от 1-ой до 7-ой.

Во всех главах переведены в основном описательные строфы – описание героев, их быта, окружающей природы в разные времена года, также лирические отступления – «размышления и воспоминания» автора. Из сюжетных частей переведены только сон Татьяны и ее именины, а также дуэль Ленского с Онегиным. Седьмая глава в переводе – «Могила Ленского» и четвертая – «Онегин зимой» могут быть восприняты даже как самостоятельные произведения.

Почему А. Орас перевел именно эти главы и строфы, можно только предполагать. Скорее всего, выбор был обусловлен объемом сборника, и посему были выбраны именно те строфы, где читатель мог получить представление о главных героях романа и ключевых моментах событий – так сказать своего рода «аннотация» романа, так как в дальнейшем Орас собирался перевести «Евгения Онегина» полностью. В своем письме в ВОКС от 22 января 1937 года он так и пишет: «Я намерен перевести всего «Онегина» (в моем переводе уже появилось около 2000 строк), и хотелось бы снабдить этот перевод исчерпывающими комментариями» [Мартинсон: 64]. Но этот его замысел в силу разных обстоятельств остался неосуществленным; пару десятилетий спустя, как уже было сказано, его осуществила Бетти Альвер, чьи первые пушкинские переводы появились именно в этом сборнике 1936 г.

В предисловии к сборнику Орас говорит про «Евгения Онегина», что роман был вдохновлен «Дон Жуаном» Байрона, но в русском произведении намного больше равновесия, чем в английском. Пушкин не стал копировать эгоцентрического титанизма британца, а скорее высмеивает в своем романе душевную пустоту и пресыщенную позу Онегина, «московского Чайльд-Гарольда». Пушкинское произведение, по мнению переводчика, не изобилует ярким красками, но зато есть в нем «редкое обаяние гармонии». Байроновские мотивы звучат там постоянно, но из них получилась «совершенно новая симфония», они в виде «дополнительных элементов

oma tuttava, läbipõlenud elumehe Zaretski, sekundandina Onegini juurde. Õhtul enne duelli ta külastab Larineid, kellel pole asjast aimugi. Säält ta kisub enese lahti ja ruttab koju, kus valmistub kahevõitluse vastu ja kirjutab eeleegia, millest lähemalt järgmises katkes.”

вписываются в очень самобытную, изящно-реалистическую картину звуков» [Oras 1936].

После выхода сборника появилось несколько рецензий. Об одной из них, очень критической, принадлежавшей Я. Кярнеру, мы писали выше. Но были и хвалебные отзывы. Х. Пауксон в своей рецензии дал ему очень положительную оценку. Рецензия была напечатана в приложении к газете «Пяэвалехт» - «Кунст я Кирандус». Х. Пауксон пишет там, например, следующее:

До сих пор поэзию Пушкина называли у нас далеким идеалом, достижения которого в эстонском языке трудно представлять. <...> Несмотря на трудность задачи, настоящий сборник не остался на уровне эксперимента. Его чтение дает целостное художественное впечатление обо всех поэтических пейзажах Пушкина <...>. И когда в стихе возникает юмор на основе реализма, там появляется А. Орас как переводчик, как кажется, пока вне конкуренции. Читайте его переводы на эстонский язык отрывков из знаменитого «Евгения Онегина» <...>. Из описания молодого лодыря <так!> Онегина А. Орас дал на эстонском языке строфы, искрометности и комической рифме которых оригинал мог бы даже позавидовать (см. например описание будуара Онегина). У Пушкина, во всяком случае, в изображении молодости своего героя, слышится чуть менее равнодушный или усталый тон.¹⁹

Г. Суйтс в своей статье «Посмертный Пушкин» говорит про перевод «Евгения Онегина», что, кажется, ни одно другое произведение Пушкина не будет так трудно перелагать с оригинала столь же эмоционально, так же легко, как это, и называет переводы А. Ораса «относительно удачными» [Suits].

Мы уже замечали, что Орас считал причиной сложности простоту средств, с помощью которых в оригинальном тексте достигается художественное совершенство. Но, как отмечает Ю. Пярли в своей диссертации:

¹⁹ Seni on meil Puškini luulet mainitud kui kauget ideaali, mille saavutamist eesti keeles on raske kujutella. <...> Vaatamata ülesande raskusele ei ole käesolev tõlkevalimik jäänud katsetuste tasemele. Ta lugemine annab tervikliku kunstilise elamuse Puškini kõigi luulemaastike ulatuses <...>. Kus aga vajatakse värsis huumorit realismi põhjal, seal on A. Oras tõlkijana, nagu seni näib, otse väljaspool võistlust. Loetagu ta katkendite-kaupa eestindisi kuulsast „Eugen Oneginist“ <...>. Noore looder-Onegini kirjeldusest on A. Oras eesti keeles annud stroofe, mille kiiretempolist sädelust ja riimikoomikat algupärane võiks isegi kadestada (vt. näiteks Onegini buduaari kirjeldust). Puškinil igatahes kõlab oma kangelas nooruse kujutusest veidi ükskõiksemat või väsinumat tooni [Paukson 1936].

В переводческой же практике А. Орас существенно отклоняется от соблюдения этой специфики пушкинского стиля, что вытекает из неоднозначности поэтических симпатий переводчика. <...> А. Орас отличается известной «изысканностью» вкуса. При точном воспроизведении на эстонском языке формальных особенностей пушкинского текста переводчик оставляет себе известную свободу в передаче образности, грамматического и синтаксического уровня текстов. Поэтический язык А. Ораса отличается некоторой сглаженностью, ассоциативными связями между образами; большую роль в сдвиге пушкинских текстов в сторону чуждой для них расплывчатости, отвлеченной образности играет излюбленный переводчиком прием инструментовки. Существенно влияет на поэтику перевода то, что глагол, который в структуре пушкинской фразы играет особую роль, в переводах не занимает такого места в построении текста [Пярли].

Приведем примеры, выделяя в тексте перевода отмеченные исследователем особенности:

Глава первая, XI строфа

Как он умел **казаться** новым,
Шутя невинность **изумлять**,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью **забавлять**,
Ловить минуту умиления,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью **побеждать**,
Невольной ласки **ожидать**,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

Kui kergelt **üllatas** ta süütust,
kord **herk**²⁰ ja hää, kord süngelt-uus,
kuis **paotas** nali hetkeks tüütust,
kuis **paitas** vale petvas suus;
kuis **aimas** meel tal **varjat** mõtteid,
kui ohtralt **teadis** meistrivõtteid,
et kasvaks tõusev tunde virg,
ja neitsihinges puhkeks kirg!
Kuis peidetult, kuis suisa suhu
ta **nõudis** avaldust! Kui pea
siis, murdes kartust noore ea,
sai salakohtamiseks juhu,
et oleks pika püüde lõpp
hää, vaikne **varjat armuõpp**!

XII

²⁰ herk (=tundlik?)

Но вы, блаженные мужья,
С ним **оставались** вы **друзья**:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик, [---]

Ent sul, oo naisemeeste kamp,
ei tekkind eal tast vihakramp:
jäid sõbruks kaval pihtaandja,
kes ideaali näeb Faublas's [---]

XVII

Театра злой законодатель

Julm juht teaatri käijaskonna

XX

[---]
Толпою нимф окружена
Стоит Истомния; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг **летит**,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан **совет**, то **разовьет**
И быстрой ножкой ножку бьет.

[---]
kesk nümfe äkki nähtaval
Istomina; kuis tiirleb tal
üks jalg, nii hõljuv, habras, pude,
kuis teine kergelt toetab end,
ning siis – **oo hüpp ja lend, oo lend**
kui Aiolose huulilt ude!
Kuis **paindub** piht, kuis õlg nii erk,
Kuis jalg lööb jalga, hell ja herk!

Необходимо специально остановиться на переводе заглавия романа «Евгений Онегин» и имени главного героя.

Как мы могли проследить по тем немногим переводам, которые появились до Ораса, и по публикациям, где называется роман или имя главного героя, эстонская традиция придерживалась эстонизации имени – Эуген (*Eugen Onegin*). Чем обусловлен выбор такой формы имени, трудно сказать. Можно думать и о влиянии Финляндии, где имя Эуген было популярным в 1800–1900 годы. Или же это писывалось в общую традицию эстонизации имен. Но уже во второй половине 1930-х годов в критических статьях современников Ораса встречается также оригинальное имя Евгений (*Jevgeni*). Так, например, Г. Суйтс в своей статье «Посмертный Пушкин» 1937 года говорит именно о «Евгении Онегине». Также употребляет оригинальную форму имени Евгений в своей статье и в своих переводах из «Евгения Онегина» Я. Кярнер. И в более позднем переводе Б. Альвер произведение Пушкина и его главный герой сохранили свою оригинальную форму, и так они известны нам и до настоящего времени.

Надо полагать, что у Ораса такой выбор связан с его общей тенденцией к некоторой архаизации языка и ориентацией на текст перевода, на культуру, в контексте которой перевод должен был восприниматься.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью нашей работы было рассмотреть (в первом приближении) самый объемный до 1960-х гг. эстонский перевод отрывков из «Евгения Онегина», выполненный Антсом Орасом. Он появился в сборнике «Александр Пушкин. Избранные стихи. Лирика-эпика-драма». Необходимо было также собрать материал, касающийся традиции эстонского перевода романа в стихах до 1936 г., чтобы понять, в каком контексте осуществлялся орасовский перевод. Поскольку эстонские переводы «Евгения Онегина», в том числе и тот, который явился предметом настоящей работы, никогда специально не рассматривались исследователями, основной акцент в нашем бакалаврском сочинении был сделан на сборе и описании материала.

Во введении мы изложили обстоятельства выхода в свет сборника «Избранные стихи. Лирика-эпика-драма» в историческом контексте и указали на его рецепцию в критике и значение в эстонской литературе того времени, привели список всех переведенных Орасом для этого сборника произведений Пушкина, отметили, что Орас был автором предисловия к сборнику и комментариев. Мы постарались также дать представление о концепции пушкинского творчества, изложенной в предисловии Ораса.

В первой главе мы рассматривали, с опорой на книгу А. Ланге, Антса Ораса как переводчика. Мы продемонстрировали, что его переводческая деятельность была очень плодотворной, что переводил он с многих языков, и его основной любовью была поэзия, в чем он сам не раз признавался. Также в первой главе мы привели своего рода переводческое кредо Антса Ораса, которое характеризует его подход к переводу, его стремление обновить, улучшить эстонский литературный язык путем введения в него через свои переводы новых слов и словоформ.

Во второй главе мы рассматривали эстонские переводы из «Евгения Онегина», сделанные до Ораса; отметили, что среди них имелся и перевод либретто одноименной оперы П.И. Чайковского в ее первоначальной редакции. Мы показали, что переводов было мало, поскольку пушкинский роман в стихах признавался особенно трудным объектом для переводчиков. Все переводы до Ораса были любительскими, но одно только сопоставление подстрочников строфы «Зима. Крестьянин торжествуя...» дали

нам возможность продемонстрировать скромное начало традиции, а также развитие искусства перевода в Эстонии к середине 1930-х гг.

В третьей главе мы рассматривали перевод А. Ораса из «Евгения Онегина». Подробного анализа в этой работе предпринято не было, мы выяснили, какие главы и в каком объеме переведены, привели в русском переводе орасовские резюме пропущенных глав и строф, выдвинули предположение, почему были переведены именно те отрывки, которые имеются в сборнике. Остановились и на проблеме выбора формы имени главного героя. На наш взгляд, эстонизация имени Евгений (Eugen) была вызвана, с одной стороны, приверженностью Ораса к языковой концепции Аавика, с другой – к общей традиции эстонизации имен, характерной для эстонской культуры.

Подводя итоги, можно сказать, что переводы А. Ораса с русского языка, в том числе и «Евгения Онегина», заслуживают дальнейшего внимания исследователей, так как они до сих пор мало изучены, и новые работы могут привести к новым открытиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

1. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Роман в стихах. М., 1966.
2. „Estoonia“ teater. Täna „Eugen Onegin“ pr. Jeanne Sladkarovaga viimast korda
3. „Estoonia“ teater. Täna „Eugen Onegin“ // Päevaleht. 1928. 04.12.
4. „Eugen Onegin’i“ ettekandmise puhul Estonias // Kaja. 1920. 09.04.
5. Eugen Onegini esietendus „Estoonias“ // Päevaleht. 1920. 18.02.
6. „Estoonia“ teater. Täna, teisipäeval, tuleb uuesti ja osalt uues osadejaotuses esietendusele Tšaikovski ooper „Eugen Onegin“ // Päevaleht. 1921. 15.11.
7. „Eugen Onegin“ „Estoonia“ teatris // Päevaleht. 1921. 19.11.
8. „Eugen Onegin“ Vanemuises. Millest jutustab Puškini värssromaan // Postimees. 1934. 08.09.
9. „Eugen Onegin’i“ esietendus „Vanemuises“ 8. sept. // Postimees. 1934. 10.09.
10. „Eugen Onegin“ „Vanemuises“ // Päevaleht. 1934. 14.09.
11. „Eugen Onegin“ Rudolf Jõksi kaastegevusel // Vaba Sõna. 1934. 24.10.
12. „Eugen Onegini“ esietendus „Vanemuises“ // Päevaleht. 1939. 27.03.
13. „Eugen Onegini“ muusikaline külg // Postimees. 1939. 06.04.
14. Eugen Onegin. Lüürilised stseenid kolmes vaatuses. P. Tšaikovski muusika. Tekst Puškini järel. Tallinn, 1920.
15. *Hermann, K. A.* Täieline Wene keele õpiraamat. Iseäranis Eesti koolidele ja iseõppimise tarbeks. Tartus, 1888.
16. Homme „Eugen Onegin“. Lenski osas Väinö Sola // Päevaleht. 1927. 16.11.
17. Kevadik. 1935. Nr. 5. Lk. 76–77.
18. Olevik. 1889. 18. sept. Nr. 38. Lk. 3 (Keelekool)
19. Proua Zinaida Jurjevskaja esineb täna „Estoonia“ laval Tšaikovski ooperis „Eugen Onegin“ Tatjana osas // Päevaleht. 1921. 29.11.
20. P. Tšaikovski ooperi „Eugen Onegini“ esietendus „Vanemuises“ 8. septembril // Vaba Sõna. 1934. 10.09.
21. *Puškin, A.* Jevgeni Onegin. Tallinn, 1964.

22. *Puškin, A.* Valik luulet. Lüürika-eeepika-draama. Tartu, 1936.
23. Sädemed. 1926. Nr. 47. Lk. 372–373; Nr. 48. Lk. 380–382; Nr. 49. Lk. 388–390.

II

24. Евгений Онегин (опера)

[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%9E%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BD_\(%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%9E%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BD_(%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0)), 28.05.2016

25. *Исаков С.* Рецепция творчества А. С. Пушкина в странах Балтии (Эстония, Латвия) // А. С. Пушкин и Эстония: Сборник статей к 200-летию со дня рождения поэта. Тарту, 1999. С. 3–14.
26. *Киви О. М.* Библиография переводов произведений А. С. Пушкина на эстонский язык. Вступительная статья С. Г. Исакова // А. С. Пушкин и Эстония: Сборник статей к 200-летию со дня рождения поэта. Тарту, 1999. С. 89–94.
27. *Мартинсон К.* Как отмечалось 100-летие смерти А. С. Пушкина в Эстонии в 1937 году // А. С. Пушкин и Эстония: Сборник статей к 200-летию со дня рождения поэта. Тарту, 1999. С. 47–88.
28. *Олеск С.* Бетти Альвер как комментатор Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту, 4. Тарту, 2007 <http://www.ruthenia.ru/document/542833.html>, 26.05.2016
29. *Пярли Ю. К.* Поэзия А. С. Пушкина в Эстонии 1880–1940 / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту, 1987.
30. *Тамм М.* Стихотворения А. С. Пушкина в переводах Антса Ораса: на материале сборника «Александр Пушкин. Лирика – эпика – драма» (1936) / Магистерская работа. Тарту, 2012.
31. *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М., 2015.
32. Jevgeni Onegin (ooper)
- [https://et.wikipedia.org/wiki/Jevgeni_Onegin_\(ooper\)](https://et.wikipedia.org/wiki/Jevgeni_Onegin_(ooper)), 28.05.2016
33. *Kõressaar, V.* Ants Oras kui tõlkekirjanik // Tulimuld. 1975. Nr 4. Lk 187–196.
34. *Kõressaar, V.* Ants Oras ja tema vaimne pärand // Tulimuld. 1983. Nr 1. Lk 8–11.
35. *Kärner, J.* Moonutatud Puškin // Varamu. 1940. Nr 5. Lk 515–525.

36. *Laidvee, H.* Puškini eesti keeles ilmunud tööde bibliograafia // Puškin eesti keeles. Tallinn, 1949. Lk 71–101.
37. *Lange, A.* Ants Oras. Tartu, 2004.
38. *Oras, A.* Mõtteid tõlkekirjanduse puhul // Eesti Kirjandus. 1931. Nr 12. Lk 609–617.
39. *Paukson, H.* Aleksander Puškin: VALIK LUULET // Kunst ja Kirjandus. 1936. 10. mai. Nr 18. Lk 70.
40. *Sang, A.* Mõtteid ja vaatlusi eesti värsitõlkest // Looming. 1940. Nr 3. Lk 318–328.
41. *Suits, G.* Posthumne Puškin // Looming. 1937. Nr 2. Lk 218–223.

KOKKUVÕTE

„JEVGENI ONEGIN” ANTS ORASE TÕLKES

Käesolev töö on ülevaatliku iseloomuga ja selle eesmärgiks oli vaadelda eesti kirjanduskriitiku ja tõlkija Ants Orase tõlget A. Puškini värssromaanist „Jevgeni Onegin“, mis ilmus 1936. aastal kogumikus „Aleksander Puškin. Valik luulet. Lüürika-epika-draama“. Töö sissejuhatuses antakse ülevaade kogumiku ilmumisega seotud asjaoludest, tehakse lühikokkuvõtte kogumiku sissejuhatusest ning nenditakse nimetatud kogumiku tähenduslikkust tollases ajaruumis.

Esimeses peatükis vaadeldakse Ants Orase tõlketegevust, toetudes Anne Lange monograafiale „Ants Oras“. Nii selgub, et tema tõlketegevus oli väga laiaulatuslik, ta tõlkis paljudest keeltest, tõlgitavate autorite valik ulatus antiikajast kuni 20. sajandini. Samuti on ära toodud Ants Orase tõlkekontseptsioon, millest ta on lähtunud kogu oma tõlkijatee kestel.

Teises peatükis antakse ülevaade enne Orast tehtud „Jevgeni Oneginist“ tõlgetest. Nagu näha, ei olnud neil palju ja need olid amatööride tehtud. Kuid sellegipoolest on huvitav ühe stroofi näitel jälgida tõlkimise taseme arengut.

Kolmandas peatükis antakse ülevaade A. Orase tõlget „Jevgeni Oneginist“. Vaadatakse lähemalt, millised peatükid ja millises ulatuses on A. Oras tõlkinud, ära on toodud ka Orase kirjutatud vahekokkuvõtted romaani tõlkimata osadest. Tehti ka oletus, miks Oras tõlkis just need kogumikus olevad katkendid. Arutatakse ka pealkirja valikut „Eugen Onegin“ vs. „Jevgeni Onegin“, mida kasutasid Orase kaasaegsed.

Kokkuvõtteks võib öelda, et kogumik, millel käesolev töö põhineb, oli üldse esimene A. Puškini loomingut põhjalikumalt tutvustav teos Eestis, ning suur osatähtsus selle ilmumisel oli just A. Orasel, kelle tõlgitud on enamus seal avaldatud värssidest ja kes on ka nii sissejuhatuse kui ka kommentaaride autor. Samuti võib öelda, et tõlkimisel lähtus A. Oras oma tõlkekreedost: luuletõlkimine on taaslooming – sõna, milles võrdset osa etendavad „taas“ ja „looming“.

Lõpetuseks tuleb märkida, et kuna Ants Orase tõlkeid „Jevgeni Oneginist“ pole varem lähemalt uuritud, vajavad need tulevikus üksikasjalikumalt analüüsi tulevase uurija valitud vaatenurgast. Võimalusi on palju.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina Terje Kõrkjas,

(autori nimi)

(isikukood: 47011212715)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose

„JEVGENI ONEGIN” ANTS ORASE TÕLKES,

(lõputöö pealkiri)

mille juhendaja on Ljubov Kisseljova,

(juhendaja nimi)

1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;

1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.

2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, 30.05.2016 (*kuupäev*)

(allkiri)